

Станишникам Билому и Соламахину добрососедский совет.

Дорогие станишники, прямо невтерпеж становится от нетерпения, так я уж заинтересовался дуэльным вопросом промежду вами. Потому дозвольте мне вмешаться с добрососедским советом.

Попервах должен сказать, что станишник Билый даже отсталым человеком себя выказывает в этом деле. Прямо не в наше время бы ему жить. Помилуйте!.. В наше время он ожидал какой то джентльменской, порядошной дуэли, прямо как мичман какой-то из морских рассказов К. М. Станюковича. Ему бы, верно, хотелось так: Томная красавица луна, медленно плывущая по бездонному небу, усеянному мириадами звезд, точно бриллианты на темносинем бархате сверкающими тысячами огней; легкий, белоснежный фрегат, как чудная птица скользкая по осеребрянной глади моря и две стройные фигуры в белых кителях, вынимающие по сверкающему пистолету из ящиков красного дерева...

Да разве же это можно в наше время! Ить, люди могут вконец засмеять. Нет, отсталый человек станишник Билый! Да и оружие он выбрал никудышнее! Я хороший пращевик был, да и то только третьей карточью попадал в голову нашего петуха. Пращ не годится для дуэльев; это я могу выразить без сумленьев.

А вот Соломаха парень — непромаха! Это да! это я понимаю! Точно можно сказать, человек вровень в ногу с временем идет. Вполне современный. Ево Билый на казачий суд чести тянет, а он ево, не будь дурак, без усяких там судов из „викерса“ изрешетить желает. Это чтобы, значит, до суда не допустить. Верно! Бог ево знает, что суд чести вырешить могёт. Возьмет да и обесчестит... Потому и правильно Соламаха поступает. Голова! Чиво там... потому как в двадцатом веке живем... рационализация... ассенизация...

Что Соламаха парень с мозгом, так это и по другому примеру видать. Учуял он, что перед ним штатский человек, который и шашку не умеет порядком зарядить, на словах с ним тягаться дело дохлое, так он и ну куражиться: давай—грит—с тобой на шашках порубаемся, либо на ливольвертах постреляемся, а хош, так на „викерсе“ по тарелочке пропустим друг в друга. А сам, небось, пулей в десяти шагах шампанское раскупоривает, или на Кавказе баранов спяна пополам рубил, а из пулемета царские вензеля на полигонном щите расписывал. Хитряк!..

Но этого мало, соль, может быть, не в этом. Они, вольноказачьи супротивники, видят, что с вольными на словах и умах тягаться нет никакой тебе возможности, так они решили вольноказачью пятилетку начать, тоись перебить всех вольных казаков за пять лет, на дуэль на ливольвертах вызываючи. Вот что еще могёт быть! Так што, станишники вольные, держись... охульки на руки не класть, извольте готовиться. Но это я промежду прочим, а совет мой не в том.

Я вот что вам посоветую, станишники. Ежели меня послушаете, так вполне в оружии и шанцах будете уравнены. Конечно, каждый со мной согласится, что самый беспристрастный судья для человека это — Бог. Он уж, сердешный, невинного не погубит, потому как Бог правду видит... Вот на его суд и отдайтесь. Делается же это так: супротивники сперва канают на обыкновенной палке, потом берут по одинаковой пуговице от старых штанов, затем берут кiset (ежели вы не курцы, так с удовольствием одолжит Павел Сергеич) на одной пуговице чернильным карандашиком делают крестик, бросают их в кiset, а потом, предварительно потрусивши, тот, кто при конаньи оказался наверху, лезет рукой в кiset и тянет. Кому достанется пуговка с крестиком, тому, значит, и кончат самоубивством, каким угодно манером. Хошь — в собственной ванне под грамофонный джаз топись, либо в лунную ночь с моста кидайся — дело твое! И никаких тебе храбростев, ни уменьев и знаньев! Все от Бога, какую пуговицу он в руку всучит.

Только не нужно забыть точно уговориться насчет „времени приведения в исполнение приговора“. Ато я знаю такой случай: „Подрались“ так двое (только не за политику, а за женщину), но потому, как не было точного уговора насчет времени, то проигравший год целый „приводил дела в порядок“, потом год „выбирал вид и род самоубивства“, а потом решил умереть „от карающей руки смерти“, тоись смерти решил дожидаться. Коли Бог, говорит, вынес мне приговор, так пусть сам и выполняет! И ждал он лет пятьдесят, успел жениться на „убитой горем вдове“ своего счастливого соперника, который умер через пять лет после дуэли.

Конешно, дуэль етот должен промежду вами, станишники, состояться после того, как казачий суд чести свое решение вынесет; иначе невозможно, потому, ежели все привлекаемые к суду станут своих обвинителей на дуэли из ливорвертов бить, так никакие прощупки человека невозможно станет наказывать.

Шалвур Ниминоу.

У самостийников один путь — путь В. К.

Милостивый Государь, Господин Редактор!

Всем известно, что происходит в настоящее время. Никто не может точно предсказать того, что случится, но нам, казакам, надо быть готовыми ко всему.

Все мы прекрасно знаем, как ужасна и как тяжка жизнь наших братьев там, в родных Краях. Мы, казаки-эмигранты, должны твердо это помнить, помнить, что мы не одни, что там ждут нашей помощи.

Можем ли мы помочь?

Если мы не сумеем выйти из того состояния разброда, в котором находимся, то можно смело и категорически утверждать, что никому никакой помощи оказать мы не сможем.

Разрозненность казачьей эмиграции велика. В таком виде мы представляем из себя никому не нужную беспомощную пыль, не могущую помочь не только кому бы то ни было, но и самим себе.

Полного объединения в зарубежном Казачестве, конечно, быть не может — слишком велики наши политические расхождения и слишком непримиримы наши цели и наши идеалы. Но объединение одинаково мыслящих людей возможно. Больше того — оно должно быть!

А поэтому все сочувствующие освободительному движению Казачества в столь тревожное время должны забыть распри и принять все меры к объединению. Время не ждет. События могут быть и не за горами.

К объединению всех искренних самостийников есть только один путь — путь Вольного Казачества.

Примите уверение в совершенном уважении
Генерал-лейтенант Т. Стариков.

15-X-1932 г. Прага.